

УДК 811.161.1'366-112
ББК 81.411.2-0

ИЗМЕНЕНИЯ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ГЛАГОЛОВ ЭМОЦИЙ В ДРЕВНЕРУССКОМ ТЕКСТЕ ¹

Е.Г. Дмитриева

В статье с использованием комплексного подхода к анализу языковых единиц рассмотрены особенности функционирования глаголов эмоций в памятниках древнерусской письменности: осуществлена реконструкция семантической и смысловой структур исследуемых языковых единиц; установлены семантические изменения модуляционного и деривационного характера; выявлены закономерности в употреблении глаголов эмоций в древнем тексте.

Ключевые слова: глаголы эмоций, семантическая структура, смысловая структура, семантическая модуляция, семантическая деривация.

При рассмотрении особенностей лексической системы древнерусского языка одно из центральных мест по праву отводится анализу семантики глагольного слова, так как именно глагол обладает наиболее сложной семантической структурой, разнообразием грамматического оформления и ведущей ролью в организации высказывания. В связи с этим важность приобретает установление и описание семантических изменений, происходящих в смысловой структуре ² глагольных словоформ, что позволит уточнить системные отношения, складывающиеся между лексемами в тот или иной период развития языка.

В центре нашего внимания находятся семантические изменения, происходившие в смысловой структуре эмотивных глаголов в древнерусском тексте, которые рассматриваются на примере Сказания о Борисе и Глебе, вошедшего в состав Успенского сборника XII–XIII вв., и Ипатьевской летописи.

Применительно к анализу данного языкового материала под эмотивными глаголами в работе понимаются глаголы действия, состояния и отношения, обозначающие эмоциональные переживания и их проявления и реализующие семантический признак 'эмоциональное переживание'. Данный семантический признак имеет

статус категориально-лексической семы. При этом глаголы могут обозначать эмоции и содержать категориально-лексическую сему 'эмоциональное переживание' в прямом значении (мы называем такие глаголы собственно эмотивными) либо приобретают эту способность в результате переноса значения (мы называем их деривационно-эмотивными).

Эмотивные глаголы могут означать: процесс эмоционального переживания (*веселитиса, възлюбити, възрадоватиса, любити, ненавидѣти, поскоревѣти, постыдитиса, радоватиса, скървѣти, ужасатиса, ѹмилитиса, ѹпѣвати* и др.); следствие эмоционального переживания (*плакати, плакатиса, просльзитиса* и др.); эмоциональное воздействие (*веселити, оскървити, поконти, прогнѣвати, смѣтити, ѹтѣшити* и др.); в лингвистической литературе эти лексеммы определяются как каузативы. Глаголы эмоционального переживания и следствия эмоционального переживания обозначают процесс, отнесенный к сфере субъекта, глаголы эмоционального воздействия – процесс, отнесенный к сфере объекта.

Значимыми в семантической структуре эмотивных глаголов являются следующие интегральные семы: 'характер процесса', 'характер субъекта', 'характер объекта', 'отнесенность процесса эмоционального переживания', 'характер эмоции', 'интенсивность эмоционального переживания'.

Существенным представляется разделение эмоций на положительные (обозначенные глаголами **възлюбити, възрадоватиса, любити, үмилитиса, үпъвати** и др.), отрицательные (обозначенные глаголами **ненавидѣти, постыдитиса, гнүшатиса** и др.) и нейтральные (обозначенные глаголами **поүднитиса, дивитиса, изүмѣтиса, удивлатиса, үднитиса** и др.).

Релевантной является степень интенсивности эмоционального переживания – высокая, средняя, низкая. В определении степени интенсивности эмоционального переживания, обозначаемого тем или иным глаголом, мы опирались прежде всего на данные исторических и толковых словарей, позволяющие выстроить синонимические ряды с учетом этого семантического признака, а также анализ контекста.

Вслед за С.П. Лопушанской, в работе разграничиваются семантические изменения двух типов: семантическая модуляция и семантическая деривация. Понятие семантической модуляции включает в себя такие изменения в смысловой структуре слова, при которых сохраняется категориально-лексическая сема, реализуются синонимические отношения данного слова, сложившиеся в рамках исходной лексико-семантической группы. В отличие от модуляции, семантическая деривация – процесс, приводящий к разрушению категориально-лексической семы, образованию новых лексических единиц, входящих в другие лексико-семантические группы [2, с. 15].

Для всей средневековой, и в том числе древнерусской литературы характерна ориентация на канон, образец: в ее системе координат именно традиции всегда являлись главной точкой отсчета как для создателей текстов, так и для читателей [3, с. 3]. Летописный текст, сосредоточенный в основном на событиях, не отличается богатством палитры описываемых психологических состояний, в похожих ситуациях эмоции повторяются и часто лишь называются. Исключение, пожалуй, составляют фрагменты, связанные с более подробным описанием исторических личностей, или жития святых, в которых эмотивная лексика выполняет характерологическую функцию.

Одним из важнейших психологических переживаний в летописном тексте оказывается любовь, которая чаще всего обозначена бесприставочным глаголом **любити** и глагольно-именными сочетаниями с существительным **любы**.

Лексема **любити** «испытывать глубокую привязанность, расположение к кому-либо» (СРЯ, вып. 8, с. 327) в древнерусском языке обозначала недифференцированный (состояние-отношение) процесс эмоционального переживания высокой степени интенсивности, направленный на одушевленный, конкретный объект.

При этом в смысловой структуре глагола могли происходить модуляционные семантические изменения, связанные с лексическим замещением позиции объекта – объектом мог быть человек (прямое значение): **тѣмъ же и щѣ его не любаше вѣ бо ѿ двою щю** (ЛИ ок. 1425, 66), **азъ бо любаша ма люблю** (там же, 51); объектом могло быть животное (модуляционное значение): **конь его же любниши и ѣздиши на нем** (там же, 28–29).

Помимо обозначенного выше значения, глагол **любити** имел также и значение «чувствовать склонность, интерес, влечение, тяготение к чему-л.» (СРЯ, вып. 8, с. 327). В этом значении рассматриваемый глагол также реализует дифференциальный признак «процесс эмоционального переживания», процесс является отношением, а переживание – положительным чувством, характеризующимся средней степенью интенсивности. Объект отношения в этом случае является неодушевленным, конкретным либо абстрактным.

Модуляционные семантические сдвиги, приводящие к формированию новых значений, например «любоваться» (там же), происходят, когда в контексте эмоциональное переживание направлено на конкретный неодушевленный объект: **и послаша емү меү и ино врүжѣ шнъ же примѣ наүа любити и хвалити и цѣловати цѣра** (ЛИ ок. 1425, 59). В приведенном фрагменте вызывает интерес сочетание **наүа любити**; в тексте летописи для обозначения возникновения данного эмоционального состояния-отношения обычно используются приставочные глаголы, например, **възлюбити** «пользо-

бить, принять» (СДР, т. II, с. 80). Наличие лексического указания на начало действия (науча любити), развертывающегося в определенной ситуации наряду с конкретными действиями хвалити, цѣловати, позволяет говорить о том, что обозначение эмоционального переживания здесь неразрывно связано с его внешним проявлением.

В современном русском языке глаголы эмоций в результате семантической деривации могут обозначать ментальную или речевую деятельность. Ранее предпринятый анализ употребления эмотивных глаголов в старорусском житийном тексте [1] показал, что семантические изменения в их смысловой структуре носят только модуляционный характер. Анализ летописного текста подтверждает то, что категориально-лексическая сема 'эмоциональное переживание' является сильным семантическим признаком, не подвергавшимся нейтрализации. Однако в тексте летописи все же встречаются глагольно-именные сочетания, по отношению к которым можно говорить о семантической деривации.

Глагольно-именные сочетания с древнерусским существительным **любы**, имеющим прямое значение «любовь, привязанность» (СДР, т. IV, с. 479), выражают эмоциональное переживание. Однако в контекстах, характеризующих политические взаимоотношения государств и их представителей, **любы** приобретает значение «мир, согласие», причем под миром может подразумеваться «мирный договор», например: **врѹжемь своимъ. такѹю любовь извѣстити. и оутвѣрдити** (ЛИ ок. 1425, 13), где **извѣстити** означает «подтвердить, утвердить, засвидетельствовать», а **оутвѣрдити** – «установить»; **створити любовь самими цѣри. и съ всѣмъ богарствомъ** (там же, 18 об.), где **створити любовь** означает «заключить мир»; **иже помыслитъ ѿ страны Рускыа. раздрѹшити такѹю любовь** (там же), а **раздрѹшити любовь** – «нарушить мир». В приведенных контекстах, характеризующих взаимоотношения между Русью и Византией, существительное **любы** не реализует семантику эмоционального переживания, а используется для описания процесса установления официальных дипломатических отношений. Все приведенные при-

меры представляют образцы деловой письменности – тексты договоров Руси с Византией. Употребление конструкций с существительным **любы** (= мир, согласие) находим и в повествовательных фрагментах летописи: **хоѹю имѣти миръ с тобою твердъ и любовь; хоѹю имѣти любовь съ царемъ Грѣцкымъ свѣршену; хоѹю имѣти миръ и свѣршену любовь съ всакымъ. и великымъ цѣремъ Грѣцки** (ЛИ ок. 1425, 28 об. – 29), и в Сказании о Борисе и Глебе: **посла же къ борисоу гла брате хоѹю съ тобою любѣвь имѣти** (СкБГ XII, 106), однако и здесь конструкции носят характер устойчивых формул.

Вероятно, под влиянием глагольно-именных сочетаний с существительным **любы** (= мир, согласие) в смысловой структуре глагола **любити** происходят деривационные семантические изменения, приводящие к нейтрализации категориально-лексической семы 'эмоциональное переживание' и актуализации категориально-лексической семы 'социальные отношения', в результате чего появляется функционально ограниченное значение, которое может быть сформулировано как «пребывать в мире»: **да оумиримса с вами Грѣкы. да любимъ другъ друга** (ЛИ ок. 1425, 13). В основе данного семантического переноса лежит переосмысление субъекта и объекта как обобщенного (а не индивидуализированного): в приведенном фрагменте описаны взаимоотношения двух государств, а не эмоциональные переживания конкретных людей.

Эмоциональная палитра Сказания о Борисе и Глебе определяется тремя основными чувствами: любовью, печалью и радостью. Глаголы эмоций в тексте реализуют свой семантический потенциал, неся при этом определенную функциональную нагрузку.

Чувство любви обозначено в памятнике глагольными лексемами **любити** и **възлюбити**, производными от них причастными формами, а также словосочетаниями с существительным **любѣвь**. Любовь является основой христианского вероучения, поэтому в тексте описание этого чувства играет важную роль при характеристике персонажей. По отношению к этому чувству

оказываются определены все центральные действующие лица. Так, святой Борис характеризуется автором следующими словами: *о таковъныхъ бо реуе притъуьникъ снъ вьхъ оцю послоушьливъ и любимъ предъ лицемъ мѣре свокѣ* (СкБГ XII, 9а). Форма страдательного причастия прошедшего времени образована от глагола *любити* в значении «любить, чувствовать привязанность к кому-либо» и указывает на протекание положительного чувства, направленного на субъект. Контекст не содержит уточнителей интенсивности данного переживания, однако положительная характеристика святого получает дополнительное усиление за счет указания на авторитетный источник оценки – Приточника, составителя книги притчей, – библейского царя Соломона. Причастная форма от глагола *любити* используется и для характеристики отношения самого Бориса к его приближенному – отроку Георгию: *ваше же съ родъмъ оугринъ. имьньмъ же геургин. и вѣаше възложилъ на нь гривноу златоу и вѣ любимъ борисъмъ пауе мѣры* (там же, 11г). В приведенном фрагменте содержится контекстуальный уточнитель, указывающий на силу чувства – *пауе мѣры* («сильнее меры», «безмерно»).

Любовь определяет не только взаимоотношение святого Бориса с близкими людьми, он характеризуется и как возлюбленный Господом: *зане кто же гъ възлюби а азъ погнахъ* (там же, 13а). Данный фрагмент приводится авторами Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.) в качестве одной из иллюстраций прямого значения глагола *възлюбити* – «полюбить; принять» (СДР, т. II, с. 80). Однако, учитывая специфику значения имени существительного *Господь*, обозначающего Субъект эмоционального переживания, в данном случае можно говорить о наличии у глагольной словоформы значения «избрать» (там же, с. 81). Глагол *възлюбити* указывает на то, что святой был отмечен Божией милостью. Важным для характеристики святого является тот факт, что слова эти вкладываются в уста Святополка – убийцы Бориса.

Святополк тоже определен через отношение к чувству любви. Так, для его харак-

теристики используются следующие языковые единицы: глагол *любити* в прямом значении употребляется в отрицательной конструкции и описывает отношения Святополка с отцом – *тѣмъ же и не люблааше кго володнмиръ. акы не отъ себе кмоу соуцю* (СкБГ XII, 8в); словосочетание *любъвь имѣти*, в котором существительное *любъвь* в переносном значении «мир, согласие, мирный договор» используется в прямой речи, скрывающей истинные намерения Святополка – *посла же къ борисоу гла брате хоуу съ товою любъвь имѣти* (там же, 10б); глагол *възлюбити* в прямом значении включен в изречение библейского царя Давида и связывает действия Святополка со злобой и неправдой – *възлюбилъ кси зъловоу пауе блгостынѣ неправдоу неже глаголаати правдоу. възлюбилъ кси вьса глы потопныа и аззыкъ лъстьвъ* (там же, 15а–15б). Таким образом, в целом Святополк описывается как человек, лишенный чувства любви, что составляет существенную часть его характеристики.

Понимание любви в рассматриваемом тексте отражает представления об идеале христианской жизни: *тѣкмо помощь от добръ дѣлъ и отъ правовѣрнѣ и отъ нелицемѣрьныа любъве* (там же, 10а). В данном случае автором Сказания приводится изречение из книги Екклесиаста, авторство которой приписывается библейскому царю Соломону, славившемуся своей мудростью. Существительное *любъ* употреблено в прямом значении «любовь, привязанность» (СДР, т. IV, с. 479) и сочетается с прилагательным *нелицемѣрьныи*, что значит «непритворный, нелицемерный» (там же, т. V, с. 294). «Нелицемерная любовь» оказывается в одном ряду с такими понятиями, как доброта и правоверие.

В рассматриваемом тексте актуализируются и парадигматические отношения лексем, означающих эмоциональное переживание любви. Так, в следующем контексте употреблены антонимичные глаголы *ненавидѣти* и *любити*: *апслъ же иже реуе ба люблю а брата свокго ненавидить лъжь ксть* (СкБГ XII, 9в). *Ненавидѣти* в Словаре древнерусского языка (XI–XIV вв.) зафиксирован в значении «ненавидеть, ис-

пытывать отвращение» (СДР, т. V, с. 306). В контексте антитеза актуализирует представления о том, что любовь к Господу не может соседствовать с ненавистью к брату, нелюбящий брата не любит и Бога. Обращает на себя внимание следующий факт: причастие **ненавидѣти** в тексте Сказания соотносится с дьяволом, называя его постоянную характеристику, на что указывает контекстуальный уточнитель **искони – видѣвъ же дѣволъ и искони ненавидѣти добра у́лва** (СкБГ XII, 10в). Таким образом, любовь как чувство, связанное с добром, имеющее божественную христианскую природу, противопоставляется ненависти – чувству, в основе которого лежит злоба, зависть и которое связывается с дьяволом. Первое концентрируется прежде всего вокруг святых Бориса и Глеба, носителем второго выступает Святополк.

Эта эмоциональная доминанта сохраняется и во фрагменте из Ипатьевской летописи, в котором описывается убийство Бориса и Глеба. Здесь любовь также становится мотивом того или иного поступка и объясняет отношение персонажей между собой. Так, в летописном тексте эксплицированы дополнительные оттенки взаимоотношений между святым Борисом и его отцом Владимиром: **и плакса по щѣи велми. любимъ бо бѣ щѣмь. паун всиѣ** (ЛИ ок. 1425, 49 об.). Причастная форма **любимъ** образована от глагола **любити** в прямом значении. Важную смысловую нагрузку в данных фрагментах несут контекстуальный уточнитель **паун всиѣ** («сильнее всех»), характеризующий силу отцовского чувства.

Таким образом, семантические изменения в смысловой структуре эмотивных глаголов, употребленных в древнерусском тексте, как правило, носят модуляционный характер. Случаи семантической деривации ограничены функционально: они отражают традиции деловой письменности и представляют древнерусскую языковую стихию (на это указывает их отсутствие в языке церковнославянских памятников). Глагольно-именные словосочетания, реализующие новые (не эмотивные) значения, носят устойчивый терминологический ха-

рактер. Реализация глаголами специфических функций (например, характерологической) обуславливает появление дополнительных смысловых оттенков в семантике данных словоформ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 07-04-00264а).

² Вслед за С.П. Лопушанской, мы разграничиваем понятия семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, и смысловой структуры словоформы, функционирующей в контексте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дмитриева, Е. Г. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в житийном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Дмитриева Евгения Геннадьевна. – Волгоград, 2005. – 22 с.
2. Лопушанская, С. П. Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции / С. П. Лопушанская // Русский глагол (в сопоставительном освещении) : сб. ст. – Волгоград : Изд-во ВПИ, 1988. – С. 5–19.
3. Минеева, С. В. Проблемы комплексного анализа древнерусского агиографического текста (на примере Жития преп. Зосимы и Савватия Соловецких) / С. В. Минеева. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 1999. – 198 с.

ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ

1. ЛИ ок. 1425 – Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. Том второй. – М. : Яз. рус. культуры, 1998.
2. СДР – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. – М. : Рус. яз. ; Азбуковник, 1988–2008. – Т. 2. – 1989. – 494 с. ; Т. 4. – 1991. – 559 с. ; Т. 5. – 2002. – 647 с.
3. СкБГ XII – Сказание о Борисе и Глебе, приписываемое мниху Якову, к. XI в. по Успенскому сборнику XII–XIII вв. // Успенский сборник XII–XIII вв. / под ред. С. И. Коткова. – М., 1971.
4. СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М. : Наука, 1975–2008. – Вып. 8. – 1981. – 351 с.

**TRANSFORMATIONS IN THE SEMANTIC STRUCTURE OF AFFECTIVE VERBS
IN OLD RUSSIAN TEXT**

E.G. Dmitrieva

On the basis of the multi-aspectual approach to linguistic units analysis functional peculiarities of the verbs of emotion in the Old Russian manuscripts are dealt with in terms of semantic and conceptual structure reconstruction, modulative and derivative semantic transformations, basic trends in their functioning.

Key words: *verbs of affection, semantic structure, concept structure, semantic modulation, semantic derivation.*